

Дерево на крыше (сборник)

Автор:

Виктория Токарева

Дерево на крыше (сборник)

Виктория Самойловна Токарева

«...Приятно из грязного делать чистое, из темного – светлое, из немой горсти продуктов – благоуханный обед. Все садятся и радуются. И лица светятся. И желудки наполняются, и вырабатываются гормоны удовольствия. И еще неизвестно, что нужнее человеку – песня или обед».

В. Токарева

Виктория Токарева

Дерево на крыше

© Токарева В. С., 2007, 2009

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство АЗБУКА

Дерево на крыше

Ее назвали Матрена, но с таким именем как проживешь? Вокруг сплошные Искры, Клары, Вилены и Сталины... В паспорте оставили как есть – Матрена, а между собой стали звать Вера. Коротко и ясно. И вполне революционно.

Вера родилась в Калужской области, через три года после революции. Что творилось сразу после переворота, она не помнила. Весь этот мрак лег на плечи ее родителей.

Когда Вера выросла, стало ясно, что девка красивая и ее путь – в артистки. Все красавицы хотели быть артистками, показать свою красоту, поразить всех, а особенно кого-то одного. Выйти за него замуж, нарожать детей и жить в любви и всенародной славе. Кто же этого не хочет...

Вера собрала узелок (чемодана у нее не было) и отправилась в город Ленинград. Из их деревни все уезжали именно в Ленинград – на заработки, на учебу и даже на воровство. Как будто, кроме Ленинграда, не было других точек на Земле.

Перед отъездом мать сказала Вере: «Запомни, ты интересная, к тебе будут приставать женатые мужчины. Если узнаешь, что женатый, – не связывайся. Скажи: “Не... Иди домой к своей жёнке...”»

Наивное пожелание. Все стоящие были как раз женаты. К тому же любовь не спрашивает – женатый или холостой... Но Вера, как ни странно, запомнила материнский наказ. И следовала ему всю жизнь.

Вера стала поступать в Ленинградскую театральную студию. Ее приняли не столько за талант, сколько за типаж. Русская, русоволосая, голубоглазая, тонкая, как молодая березка. Сама Россия.

Среди поступающих преобладали черноволосые и огнеглазые, южные. Революция отменила черту оседлости, и из местечек хлынула талантливая еврейская молодежь. Это оказалось весьма полезно для культуры. Как говорят в Китае: «Пусть растут все цветы» – и южные, и северные.

Вера получила место в общежитии.

Жила впроголодь. Но тогда все так жили. Если есть картошка, мука и вода – не о чем беспокоиться.

На танцы ходили в общежитие политехнического института.

Веру приглашал высокий парень в толстых очках. Очки как бинокли.

Парень – его звали Александр – был коренной ленинградец, проживал в доме специалистов, так назывались дома, построенные для красной профессуры. Он приходил в общежитие только на танцы, а если точнее – только из-за Веры. Он прижимал ее к себе, и Вера слышала, как гулко стучит его сердце. И не только сердце. Конец его туловища становился жестким и тяжелым, как локомотив. Александр упирался локомотивом в ее живот. Буквально наезжал.

Вера поднимала на юношу укоризненный взгляд. А что он мог поделать? Его тело ему не подчинялось. У тела свои законы.

После танцев Александр шел провожать Веру до общежития. Ему надо было куда-то девать накопившуюся страсть, и он нес Веру на руках вверх по лестнице. Подхватывал ее под колени и поперек спины и волок на четвертый этаж. Вера хохотала и становилась еще тяжелей.

Все это начинало быть непосильным для Александра. И он женился.

Вера переехала жить в дом специалистов, в профессорскую семью ее мужа.

Родители – приятные люди, хотя и не приспособленные к каждодневной жизни. Им бы только книжки читать. Пожизненные отличники.

Вера квасила капусту, пекла картофельные оладьи и жарила корюшку.

Кошки высаживались под окнами и смотрели вверх. Корюшка пахла свежим огурцом. Запах будоражил всю округу. Кошки нервничали.

Вера все успевала. Вокруг нее все были счастливы, каждый по-своему. Папаша-профессор никогда не ел так вкусно. Александр больше не задерживал свой локомотив на запасных путях, и он мчался вокруг земного шара, издавая

победные гудки. Мать-профессорша слегка страдала оттого, что ее сын женился на деревенской, на простой. Но что же делать... Революция перемешала все слои и сословия.

К тому же Вера была хоть и простая, да не очень. Актриса все-таки... Чехов, Горький...

Вере исполнился двадцать один год.

День рождения встречали весело и шумно, засиделись до трех часов ночи. А в четыре – началась война с Германией.

Никто не представлял себе размеров и тяжести этой войны. Думали: месяц, два... Ровно столько, сколько уйдет на то, чтобы победить врага на его территории. Броня крепка, и танки наши быстры...

Никто не знал и даже не представлял себе, что такое блокада.

Ленинград называли город-герой. А это был город-мученик.

Люди хотели есть и сходили с ума.

Родители Александра перестали выходить на улицу. Боялись упасть и не встать. В городе расцвел каннибализм. Ели человечину. Говорили, что мясо вкусное, похожее на свинину.

Александр был освобожден от службы в армии из-за близорукости. Отец выхлопотал ему бронь. Но лучше бы он ушел на фронт. Там кормили.

Александр был молодой, высокий. Его организм не выдерживал голода. Он стал отбирать у Веры ее 125 блокадных грамм. Но этот кусочек хлеба не спасал. Казалось, наоборот, он только разжигал страстное желание есть.

Однажды утром Вера увидела, что родители – мертвые. Они умерли ночью, оба сразу или по очереди – неизвестно. Да и какая разница... Блокада сделала смерть явлением обыденным, почти житейским. Все люди как будто

выстроились в очередь на тот свет и покорно ждали. Без страха. Жизнь превратилась в непрерывное страдание от голода и холода. А смерть – конец страданиям.

Александр с ужасом смотрел на мертвых родителей, на их желтые заострившиеся носы.

Он знал, где Вера хранит свои карточки: в ящике комода, под бельем.

Выдвинул ящик, достал полоску карточек и завел руку за спину. Как ребенок.

Вера устремилась к этой руке, чтобы отобрать, успеть. Полоска карточек – это и была жизнь. Целая жизнь целого человека.

Но Александр оказался сильнее. Он схватил Веру одной рукой под коленки, другой – поперек спины и понес ее к окну, чтобы выбросить с пятого этажа.

По дороге он передумал и свернул к двери. Решил выкинуть за дверь.

Он вышел на лестничную площадку, стряхнул Веру с рук и вернулся в квартиру. Запер дверь на засов.

Вера не могла сопротивляться. У нее не было сил.

Вернуться она тоже не могла. Александр бы ее убил.

Вера не обижалась на Александра. Она его понимала. Голод сильнее человека.

У Веры была способность: влезать в чужую шкуру. А понять – значит простить.

Вера спустилась вниз по лестнице. Вышла во двор. Села на лавочку.

Стоял красивый морозный день.

Вера обернула лицо к солнцу и прищурила глаза. В этом прищуре дрожали круги. И вдруг возникло лицо – скуластое, смуглое, обтянутое кожей. Это был

немолодой солдат в ватной шапке-ушанке. Он молча смотрел на Веру, потом сказал:

– Есть будешь мало, но не умрешь. И все у тебя будет. Надо потерпеть.

Он повернулся и пошел. На его спине примостилась котомка, похожая на собаку. Вера смотрела ему в спину. Откуда он взялся? Куда пошел?

Вера сидела на лавочке и не понимала: что делать, куда податься?

Поднялась и пошла в церковь. Церковь оказалась открыта. Лики святых бесстрастно глядели со стен. Один из них, Иоанн Богослов, смотрел не вообще, а конкретно на Веру. Вера отошла вправо. Иоанн последовал за ней глазами. Вера прошла несколько метров влево. Иоанн направил взгляд влево. Следил неотступно. Лик был смуглый, краска потемнела от времени. Иоанн Богослов мучительно кого-то напоминал. Вера напряглась и сообразила: мужичка с котомкой, вот кого... На иконе он был без шапки, что само собой разумелось. Все-таки святой...

Вере стало ясно, что к ней приходил Иоанн Богослов. Он явился в минуту роковую, чтобы вдохнуть силы. Поддержать.

Но почему именно Иоанн? У Веры была маленькая икона Николая Угодника, которая досталась ей от матери. Логичнее, если бы явился Николай. Но идет война. Умирающих – тысячи. Ко всем не успеть. Вере явился тот, кто посвободнее. Да и какая разница... Святой он и есть святой.

Вера вдохнула поглубже церковный воздух, как будто испила воды. И пошла.

Теперь она была не одна, а вместе с ангелом-хранителем. И не каким-нибудь заштатным ангелом, а самим Иоанном Богословом.

Вера поселилась у своей землячки Шурки Голубевой. Шурка приехала в Ленинград учиться, но никуда не поступила и работала нянькой при годовалом ребенке.

Ребенок плакал от голода, и Шурка самым серьезным образом хотела отрезать от себя кусок мяса. Отрезать и сварить.

Время текло как в тумане. Народ роптал: лучше бы сдали город немцам, чем ежедневная пытка голодом. Кутузов в двенадцатом году сдал Москву, не хотел рисковать жизнью солдат. Потому что нет ничего дороже жизни. А для Сталина люди – не в счет. Нужна победа любой ценой. В эту цену входила жизнь Веры и Александра, и его родителей, и всего города.

Александр воспользовался карточками Веры, но все равно умер. Молодые умирали быстрее, чем сухие старики.

Веру в последней степени дистрофии переправили по Ладожскому озеру, как тогда говорили Дороге жизни. Грузовики с людьми тянулись один за другим. Немцы бомбили Дорогу жизни. Тут и там вскидывались фонтаны воды. Грузовики уходили под лед. Люди замерли в оцепенелой покорности, а Вера была почти спокойна. Она знала, что ангел-хранитель ее не бросит.

Так оно и случилось. Верин грузовик проскочил.

Вера стала работать в прачечной. Адский труд. Все вручную. Но зато – буханка хлеба. Можно нюхать, сколько хочешь, и медленно жевать, закрыв глаза.

Война окончилась. Вера не вернулась в Ленинград. Не смогла. Тяжелые воспоминания обволакивали, как липкий туман. Хотелось ясности, солнца, широкого обзора.

Вера поехала в Москву. Поступила в Институт кинематографии. Вернее, восстановилась.

Студенты – вчерашние солдаты в военной форме, поскольку не было гражданской одежды.

Девчонки – модные, сытые, проживающие с папой-мамой. И среди них Вера – тонкая жердь, всегда голодная, в одних и тех же юбке и кофточке. Она привыкла есть впрок, в любое время, поскольку непонятно – где и когда

придется перекусить. А может быть, нигде и никогда. Блокада прочно вошла в сознание, превратилась в фобию.

Вера сняла комнату в подмосковном поселке. Там дешевле. Питалась одной картошкой.

После института ее взяли в Театр киноактера. Из-за типажности. Простая и русская. Остальные красавицы были похожи на кого угодно: на француженку, на немку, на шведку. А вот такая – простая и русская, от земли – только Вера.

Иногда ей делали сложный грим, укладывали волосы, и тогда она походила на молодую Тарасову. Но Тарасова – генеральша. А Вера – вечно во всем виновата. Такое у нее было выражение лица.

Сокурсник Васька Беляев шутил: «Бытие определяет сознание». Не «бытие», как у Маркса, а «битие». От слова «бить».

Веру жизнь была не уставая.

Ролей не предлагали, только эпизоды. Жить негде. Зарплата – стыдно произнести. Одно название – актриса.

Вера экономила как могла. Однажды после спектакля не поехала домой, чтобы не тратиться на электричку. Осталась ночевать в кулисах, в уголке между двумя стенками.

Утром встала до открытия, помылась в туалете, позавтракала в буфете: хлеб и чай. Буфетчица подарила ей сосиску.

Появились люди. Утренняя репетиция.

Вера была занята в спектакле и, стало быть, в утренней репетиции.

После этого пробного случая Вера стала часто оставаться в кулисах. Она добыла старый матрас и ватное одеяло. По утрам сворачивала все это в трубу и прятала в укромном месте.

Многие знали о нарушении, но помалкивали. И уборщица тетя Надя помалкивала. Жалела Веру. Входила в положение. Добираться после спектакля до вокзала. Потом электричка. И от электрички пешком два километра. И все это только для того, чтобы переночевать. А утром то же самое в обратном порядке: электричка, Казанский вокзал, театр. Не легче ли прикорнуть в кулисах и начать трудовой день без спешки, без боязни опоздать? К тому же экономия средств.

Вера практически переселилась за кулисы. В съемную комнату уезжала только тогда, когда выдавалось «окно». Не занята в спектакле, нет репетиций.

Жизнь шла одинаково, катилась по накатанной колее, не обещая радостей и неожиданностей. А куда же смотрел Иоанн Богослов? Он что, забыл про нее? Тогда зачем обещал...

Вера часто плакала. Не переставая плакать, доставала из-под подушки корочку хлеба и грызла. После блокады она постоянно ела.

Вера ела и плакала, а Иоанн Богослов в это время устремлялся куда-то по своим, более важным делам. Значит, надо ждать. И терпеть. «Неси свой крест и веруй». Так говорила Нина Заречная, тоже актриса.

Все Верины подружки-актерки, с которыми училась и работала, как-то устроили свою жизнь. Одни вышли замуж за своих сокурсников, другие отбили богатых мужиков у законных жен. После войны шла жесткая борьба за женскую выживаемость.

Вера строго помнила материнский наказ: не связывайся с женатыми. Жена – святое.

Подруги смотрели на Веру как на дуру. Жена – не стена. Можно и подвинуть. Все как-то устраивались в жизни. Снимались. Получали главные роли. И только Вера зависла во времени и пространстве. Ее судьба буксовала, как застрявшая машина.

Время от времени ее приглашали как типаж, она играла простых и положительных. Никаких.

Однажды после спектакля к ней подошел театральный художник Виля Кронберг. Спросил: не найдется ли у Веры три часа свободного времени, попозировать?

- Голая? - испугалась Вера.

- Ни в коем случае...

Вера согласилась. Виля назначил на конец недели.

Всю неделю Вера маялась в ожидании.

Виля - красивый и богатый, как в сказке. И холостой.

Вера позировала несколько раз. Сидела на стуле с прямой спиной. Очень уставала.

- Не напрягайтесь, - просил Виля. - Просто сидите, и все.

Все кончилось тем, что Вера убралась в мастерской. Ворочала картины, выметая вековую пыль. Потом спекла капустный пирог.

Виля ел и не верил своему счастью.

- А как это у вас получилось? - спросил он.

- Капусту не надо жарить, - объяснила Вера. - Просто ошпарить, и все.

- Как спаржа, - восхищался Виля.

Вера не знала, что такое спаржа. А спросить постеснялась.

- Интересно... - проговорил Виля, прислушиваясь к вкусовым ощущениям.

Вера всю следующую неделю носилась с этим «интересно». Почему он так сказал? Что бы это значило?

Она поделилась с двумя актрисами, рассказала про Вилю, про пирог и про «интересно».

Подруги восприняли скептически.

Одна из них, хамоватая Валька Санина, поинтересовалась:

– Куда ты лезешь? Где ты и где он?

– В каком смысле? – не поняла Вера.

– Да во всех. У тебя ни кожи ни рожи, ни кола ни двора. А он – первый жених Москвы. За ним знаешь кто увивался? Шахиня Сорайя. Первая красавица.

– Она уже не шахиня. Ее шах бросил, – уточнила Любочка Кузьмина, актриса-травести, худенькая, как подросток. – Эта Сорайя ездит по всему миру и на всех бросается.

– А Виля? – спросила Вера.

Ее не интересовала экс-шахиня.

– Виля соскочил, – ответила Любочка. – Он всегда соскакивает.

– Ну вот, – Вера повернулась к Вальке Саниной, – а ты говоришь...

Валька пожалала плечами, накинула на плечи шубу – длинную и квадратную, как бурка, и пошла к выходу, странно ступая. Она двигалась вперед, как будто раздвигала дорогу сиськами и причинным местом.

Валька недавно вышла замуж за богатого профессора и чувствовала себя победительницей жизни.

Вера не завидовала. Ей такого профессора – лысенького и щуплого – и даром не надо. То ли дело Виля Кронберг – умный и воспитанный, лишнего слова не скажет. Все слова к месту.

Виля действительно был всегда корректен, приветлив, инициативы не проявлял. Инициатива шла от Веры. Эта инициатива привела к нежелательной беременности. Однако почему нежелательной? Вера подумала и решила родить ребенка – ему и себе. Обоим. Но Виля сказал странную фразу:

– Дай мне спокойно умереть...

– А ты что, болеешь? – обеспокоилась Вера. – Я тебя вылечу.

Виля усмехнулся непонятно. В нем жила неизлечимая болезнь, от которой умер Николай Островский. Как утверждают врачи, эта болезнь поражает только хороших людей. Значит, природе не нужен избыток добра.

Виля тщательно скрывал свою болезнь. Это была его личная трагедия, которой он ни с кем не делился.

Аборты были запрещены. Вере посоветовали какую-то Таню, которая за пять минут решала все проблемы. Был зародыш – и нет его.

Вера договорилась с Таней по телефону и пошла к ней в указанный день и час.

Явилась пораньше. Тани не оказалось дома.

Вера села на ступеньку и стала ждать.

Через полчаса появилась хмурая Таня, коротко глянула на Веру.

Вера сидела принаряженная, с накрашенными ресницами. Таню всегда поражал тот факт, что женщины приходили наряженные и накрашенные, как будто шли на свидание, а не на криминальный аборт.

Вера прошла за Таней в ее комнату.

Все произошло быстро и по-деловому. Таня развела мыльный раствор из простого мыла и влила в камеру, где сидел маленький зародыш. В сущности, горошина.

Далее Вера встала и поехала в театр. Вечером был спектакль.

Она играла маленькую эпизодическую роль в пьесе современного драматурга. В эти годы цензурой разрешался только конфликт хорошего с лучшим. Все вокруг очень хорошо, но могло быть еще лучше. И вокруг этого базар.

Во время спектакля у Веры начались схватки. Нестерпимая боль перепоясывала тело. Вера едва совмещала роль со своим состоянием. Она боялась, что мыло потечет по ногам у всех на виду.

Ночью случился выкидыш.

Туалет был далеко от кулис, на другом этаже. Вера волокла свое тело, держась за перила. Из нее что-то выпало и шлепнулось. Вере показалось, что выпало ее сердце. Она громко взвыла, как собака. Вой отозвался в гулком пространстве. Вокруг – ни одной живой души. Вера выла одна, как на луне.

А Виля ничего и не знал.

Вера вошла в его положение, не нарушила его покой. Пусть себе умирает спокойно, когда захочет. И что поразительно, Виля действительно умер через несколько лет, не оставив потомства. Такой молодой, такой красивый и – умер.

После выкидыша Вера перестала беременеть. Но оно и к лучшему. Куда рожать? Ни кола ни двора, ни денег, ни любви.

Александр второй

Его звали Александр. В те времена все были Александры, как будто нет другого имени.

Александр был из хорошей семьи. Мать – хормейстер, дирижер детского хора. Умница, красавица. Вся пропитана звуками.

Отец – генерал тыла и транспорта. Работал по ночам, приходил домой под утро. В те времена все работали в режиме Сталина, отца народов.

Семья была хорошая, но на сына Александра времени не оставалось. У родителей серьезные взрослые дела. Ребенка подхватила улица.

На улице Александр прошел свои главные университеты: научился взаимоотношениям, уважать табели о рангах. Научился играть на гитаре, петь блатные песни. Научился драться, возбуждать в себе готовность к драке. Воровать не научился, не успел. Вырос.

Отец легонько стучал его по спине: не сутулься. Александр выпрямлял спину, отчего зад оттопыривался, а живот выпячивался. Зато шея стояла прямо, как столб, а голова смотрела гордо. И взгляд менялся. Александр походил на петуха, оглядывающего свой курятник. А может, и на молодого орла, глядящего с высоты на необъятные дали.

Александр обожал своих родителей. Особенно маму. Ни у кого не было такой красивой и такой понимающей мамы.

Однажды Александр заболел. Мама была на гастролях. О том, что у ребенка температура, мама узнала поздно вечером.

Гастроли проходили в какой-то дыре, «куда и птица не летит, и зверь нейдет». Добираться до станции было не на чем. Мама пошла пешком. Она шла всю ночь и все утро. Дошла до станции. Приехала поездом. Появилась через сутки, запорошенная пылью, как солдат с войны.

Александр метался всю ночь, вплывал в какое-то марево. В этом мареве он увидел маму. Сказал: «Мама...» И тут же заснул.

С этой секунды он начал выздоравливать.

Связь между сыном и матерью была сплошная и неразрывная. Александр делал все, что она советовала, потому что она лучше всех знала, что ему надо.

Маму звали Маргарита. Сокращенно – Марго. Она и была Марго, и больше никто. Ей это имя очень шло. «Марго» – что-то капризное, неуловимое, с шармом и властью. Королева Марго.

С возрастом она седела, но краситься не стала. Еще чего... Седина ей шла. Седые волосы пополам с черными – соль с перцем – гораздо красивее, чем просто черные.

Александр унаследовал от матери глаза и щеки. А также – неизъяснимое очарование. Красивым он не был. А очаровательным – был. Что-то выглядывало в нем такое, чего не было ни у кого. Гордый взгляд, прямая спина, готовность к драке и одновременно – застенчивость. Приблатненность и аристократизм. Марго постоянно за него боялась.

После десятилетки Марго отослала Александра в архитектурный институт. Он хорошо рисовал. Но стране не нужны были архитекторы. Зачем? Процветал сталинский ампир. Высотки. Добротные восьмиэтажные дома. А что еще надо?

Александр месяцами вычерчивал проект, добиваясь абсолюта. А потом руководитель проекта брал карандаш и писал поверх чертежа с нажимом, прорывая бумагу, какое-то одно слово типа «переделать». Это слово смотрелось как матерное, поскольку похабило и убивало многомесячный труд.

Александр переделывал – и снова поперек чертежа с нажимом, прорывая бумагу. Так повторялось несколько раз, пока он не понял, что его чертежи просто не нужны. Руководитель проекта Горшков должен как-то занять молодого специалиста, поэтому Александр чертит. Снова чертит. Опять чертит. Переливает из пустого в порожнее, как герой Маркеса: отликает рыбки, потом их расплавляет. Надо же чем-то занять свою жизнь.

Однажды он сказал Марго:

– Я хочу стать кинорежиссером.

– Побойся бога, – ответила Марго. – Ну какой из тебя режиссер...

Александр впервые не послушал Марго и пошел сдавать экзамены.

В это время открылись режиссерские курсы. Старые мастера сидели в приемной комиссии, набирали в свои мастерские.

Александр отвечал на вопросы скупно и тускло. Стеснялся. Он вообще не был красноречив, а тут тем более. Его просто замкнуло. Выручили рисунки.

Мастера открыли папку с его рисунками, стали передавать друг другу. В рисунках проступал несомненный ум, юмор, необычное, особое видение. Рыжеватый застенчивый паренек был гораздо интереснее, чем казался.

Его приняли. Прощай, руководитель проекта Горшков. Прощайте, золотые рыбки с рубиновым глазом. Здравствуй, новая жизнь, где каждый день не похож на предыдущий.

От архитектуры остались друзья, подружки и дни рождения.

На одном из дней рождения Александр случайно знакомится с дочерью министра Лариской. У него в это время была сломана рука, и он носил ее перед собой в гипсе. Вот так, с загипсованной рукой, он впервые овладел Лариской. Неожиданно явился папаша-министр. Лариска выставила Александра на балкон, как в анекдоте. Он стоял и жестоко мерз.

Через полгода Лариска сказала:

– Я знаю, почему ты на мне не женишься. Потому что я еврейка...

Ларискин отец был единственный еврей в верхах. Но ценили его не за это, а за светлые и мощные мозги и за знание предмета, которым он занимался. В верхах так мало профессионалов. В основном выдвигенцы, партийные работники.

Александр не собирался жениться. Ему было двадцать два года, и он хотел снимать кино, а не связывать себя брачными узами. Потому что всякие узы превращаются в путы, и приходится скакать по жизни, как стреноженный конь.

Александр не собирался делать предложение, но, когда его подначивали, он заводился. Привычка улицы.

Выслушав Ларискин упрек, Александр зашел в телефонную будку и позвонил домой.

К телефону подошла Марго.

- Мама, я женюсь, - объявил Александр.

- На ком? - спокойно спросила Марго.

- На Ларисе. Я сейчас с ней приду.

Александр бросил трубку.

Марго умела сосредотачиваться в критические минуты. Она тут же позвонила Шурке Богомазову - другу детства Александра. Он жил в этом же дворе.

- Шура, немедленно одевайся и беги в наш подъезд, - приказала Марго.

- Зачем? - спросил Шурка спросонья. Шел второй час ночи.

- Ты должен перехватить Сашу с Ларисой. Они не должны появиться в моем доме. Позови их к себе. Придумай что-нибудь...

У Марго был свой неписанный свод законов. Если Саша с Лариской появятся на пороге ее дома, Марго как хозяйка должна будет сказать: «Добро пожаловать...» И тогда, значит, она приняла Лариску как невестку, будущую жену сына. А если встреча не состоится, то Марго свободна от любых обязательств.

Она не хотела этого брака. Во-первых, Александр молод. Мальчишка. А во-вторых, зачем ей в семью дочка министра? Она небось и картошку чистить не умеет. Александр - дворовый парень, без руля и без ветрил, не терпящий никаких ограничений. Лариска - избалованная эгоистка. Пойдет эгоизм на эгоизм. Все быстро разрушится. Лучше не начинать.

Шурка Богомазов спросонья стал натягивать штаны и рубаху. Зашнуровывать ботинки, ужинать. И конечно, опоздал.

Пока он шнуровал ботинки и ел сосиски, Саша с Лариской вошли в подъезд, сели в лифт и поднялись на шестой этаж. И позвонили в дверь.

Марго открыла дверь, увидела смущенную Лариску, а рядом этого дурака – своего сына. Но делать нечего. Игра сыграна. Марго широко улыбнулась своей милой улыбкой и произнесла:

– Добро пожаловать...

Брак продолжался два года. За это время родился ребенок, девочка. Было произведено примерно две тысячи поцелуев, примерно семьсот скандалов. Брак трещал по швам. Марго оказалась права, как всегда.

Молодые разбежались.

Лариска забрала ребенка и ушла домой, к папе-министру и маме-министерше. Ее жизнь потекла в том же русле, плюс маленькая девочка, которую все любили до умопомрачения. Дом министра воспрянул. В нем прибавилось смысла и любви.

Александр страдал. Пил водку с сокурсниками, будущими режиссерами. В том числе с Шуркой Богомазовым. Шурка к тому времени вырубивал на тропу законченного алкоголика.

У Марго разрывалось сердце. Она не могла видеть страдания своего единственного сына. На семейном совете было решено: купить мальчику машину «москвич». Во-первых, игрушка, отвлечение. Во-вторых, меньше будет пить. За рулем пить нельзя.

Александр отвлекся от Лариски, но не от водки. Водка шла ему на пользу, расслабляла, делала счастливым.

Собирались в буфете Театра киноактера.

Александр любил эти сборища. Хорошо быть молодым – бездна энергии, легкое тело, жизнь впереди, смерти нет, любовь – за поворотом. И поиск смысла, нового киноязыка – разговоры, разговоры, «улетай на крыльях ветра ты в край родной, родная песня наша», – и так далее и тому подобное...

Александр говорил сам, слушал других, выковыривал в споре истину, когда вдруг увидел высокую девушку с открытым лбом, все волосы назад.

Она садилась за соседний столик, снимала с пластмассового подноса несколько тарелочек.

– Кто это? – спросил Александр.

– Где? – не поняли сокурсники.

– Вон... – Александр указал головой на соседний столик.

– Это Вера Лошкарева. Актриса, – объяснил азербайджанец Бабир.

– А что же мы ее не знаем? – поинтересовался Александр.

– Ее никто не знает, – сказал Бабир. – Не везет человеку. – Бабир подвигал в воздухе пальцами, изображая невезение.

– Она хорошая, – сказал Александр.

– А ты откуда знаешь?

– Видно.

– Хороших девочек не любят. Любят плохих девочек, – заметил Андрей. Будущий гений.

Александр продолжал сидеть с друзьями, но его взгляд был прикован к Вере. Вот она подвинула тонкой рукой тарелку, стала есть, низко опустив голову, как кошка. Трогательная. Милая.

Завела русую прядку за ухо. Сидит на краешке стула, как будто боится, что ее сгонят. Это тебе не министерская дочка.

- Позовите ее к нам, - предложил Александр.

Бабир поднялся, подошел к Вере. Пригласил к столу.

Вера что-то ответила.

Бабир вернулся и сказал:

- Не хочет.

- Попроси как следует...

- Да не пойдет она.

- Почему?

- Всегда видно, когда ломается, а когда вправду не хочет.

Александр напился. Друзья отвезли его домой на такси.

Из головы не выходила тонкая молодая девушка, одинокая и гордая и трогательная, как кошка, которую хочется погладить. Он обнимал ее в своем пьяном воображении, а она покорно лежала в его руках. Была желанная, тихая и абсолютно его.

Утром Александр встал под контрастный душ, смыл остатки хмеля и отправился к Театру киноактера. Там он оставил вчера свою машину.

Машина стояла на месте, как большой сугроб. Снег шел всю ночь. Атмосферное давление. Отсюда и тревожащие сны.

Александр поднялся в буфет, чтобы выпить кофе. И снова увидел Веру. Не удивился. Он ее подсознательно искал и нашел.

Александр подошел и сказал:

- Здравствуйте...

- Здравствуйте, - ответила Вера. - Разве мы знакомы?

Александр всю ночь держал ее в объятиях. Они были не просто знакомы. Они были близки.

- Можно сесть рядом с вами? - спросил Александр.

- Я должна идти на сцену, - сказала Вера. - У нас репетиция.

Она поднялась и ушла.

Александр выпил кофе. Посидел и пошел в зал.

Стал смотреть, как Вера репетирует.

Есть актеры - лицедеи. Они делают любые лица и характеры. Перевоплощаются. А Вера Лошкарева играла себя как таковую. Цельная, чистая, ясная личность.

Личность сыграть невозможно. Личность - как аромат от цветка. Либо есть, либо нет.

«Я ее сниму», - подумал Александр.

Вера видела со сцены, что Александр сидит в середине зала и смотрит. Ей это было приятно, и даже очень. Не просто играть, а играть кому-то равнодушному.

Вера заметила, что парень молодой, моложе ее лет на десять, если не больше. Вере в ту пору было тридцать пять, она была в эпицентре молодости. А Саша существовал в начале молодости. Но так или иначе - оба были молоды, полны надежд и дерзких планов.

Репетировали спектакль «Три сестры». Вера играла старшую – Ольгу. Серые волосы вверх, серое длинное платье – вся серая в отсутствии любви.

Ирину – младшую сестру – любит Тузенбах. Машу любит Вершинин. А Ольгу не любит никто. Она и не ждет. И не ропщет.

«Милая моя, – думал Александр. – Подожди немного, я стану режиссером, я буду снимать тебя...»

Вера ничего не требовала. Она не умела требовать, и поэтому ей хотелось дать ВСЕ.

Настало лето.

Александр стал бывать у Веры в ее загородной резиденции. Они затевали маленький пикник: картошка, сардельки, водка. В заключение – гитара. Александр научился играть у дворовых. Он аккомпанировал – довольно мастерски, – а Вера пела, как настоящая певица. У нее был красивый, от природы поставленный голос. Когда душа не выдерживала, Александр вторил ей вторым голосом.

Потом шли в дом и продолжали петь в доме. Не могли остановиться. Под окно подтягивались прохожие. Стояли и слушали: бабка с ребенком, тетка с авоськой, парень с девушкой. Зрителей становилось все больше.

Вера пела, вдохновленная вниманием. Актриса... А актрисе нужна толпа и поклонение.

Вечером, напившись и напевшись, укладывались спать.

Вера обнимала своего пацаненка, как сына, которому нужна защита, и как мужа, который защитит. И как любовника с шелковым телом, легким дыханием и мужской силой.

Вера любила на него смотреть.

Большая луна в окне, спящий Александр. Он спал в позе бегуна: одна нога вытянута, другая согнута в колене. Куда ты бежишь, мой мальчик милый?.. У Веры наворачивались слезы. Она знала, что у этой любви нет перспектив. Куда там... Разница в десять лет. И эта разница видна.

Александр в свои двадцать пять выглядел на пятнадцать. А Вера выглядела на свое. Они смотрелись как тетка с племянником. Вера была выше на полголовы и как-то определеннее.

Вера любила слушать Александра и смотреть на него: шея, как столб, глаза, как у ястреба, все видит, все знает, наглый и добрый. Не гнида высокомерная, хоть и генеральский сын.

Руководство Театра киноактера затеяло строительный кооператив.

Александр сказал Вере:

– Я дам тебе денег на половину квартиры. А остальные доставай где хочешь.

Половина суммы – это лучше, чем ничего. Вторую половину Вера одолжила у всех, у кого смогла.

Деньги одалживали туго, но все-таки одалживали. Не может же человек вечно жить в кулисах. Все это понимали.

Кооператив построили в хорошем месте. Близко к центру и близко к базару. Вера получила свою собственную квартиру. Свое жилье. Впервые в жизни, если, конечно, не считать детства и ранней юности.

У нее появился свой чешский диван, который раскладывался на ночь и превращался в просторное ложе. А утром собирался и становился уютным диваном. К нему полагался высокий ящик для белья. В этот ящик помещались подушки, одеяло и можно было влезть самой.

У кого еще есть такая роскошь и красота? Может, у кого-то есть и получше, отдельная спальня, например, плюс отдельная гостиная и даже кабинет. Но

Вере и так хорошо. Счастлив не тот, у кого много. А тот, которому достаточно.

Вере было абсолютно достаточно. Кухня – девять метров, и комната – восемнадцать. Куда же больше...

Александр закончил режиссерские курсы и получил свою первую постановку.

Он пригласил Веру на главную роль, сделал кинопробы.

Вера не смотрелась героиней. Не хватало блеска и самоуверенности. Не хватало красоты и стервозности. И молодости тоже не хватало. Пришлось сдвинуть ее на эпизодическую роль. Но и эпизод – счастье. Вера практически не снималась. Ее обходили вниманием. Ее просто не замечали. Есть она, нет ее – ничего не меняется.

И вдруг такая удача – молодой режиссер, современный сценарий, полноценный эпизод. Да еще и любовь в придачу, и отдельная квартира. А в квартире что ни вечер – праздник. Приходили друзья – в основном это были друзья Александра: архитекторы, начинающие режиссеры, актрисы – подруги режиссеров. Пили и пели. Было весело. Однажды перевернули аквариум. Рыбки трепыхались на полу. Вера помчалась на кухню, принесла кастрюлю с водой и стала подбирать рыбок с пола, опускать в воду.

Александр смотрел на эти действия, и слезы наворачивались на глаза. Вера казалась ему идеалом человека, она умеет сочувствовать всему живому: цветам, бессловесным рыбкам и даже мухам. Она их не убивала. Она их выгоняла.

У Веры завелась мышь, Вера ее подкармливала. Оставляла в блюдечке хлеб, смоченный подсолнечным маслом. В Вере не было ничего хищного, себялюбивого, что так свойственно молодым актрисам. Жила как живет, как течет вода в речке. Ничего для себя не просила. Дадут – хорошо. Обидят – не сопротивляется, только лицо становится вытянутым, как у козы.

Александр все это замечал и ценил. Их отношения он определял как глубокая дружба с постелью. Ему не хотелось другой постели. Ни с кем и никогда ему не было так полноценно.

И еще он знал: Вера предана ему как мать. Он мог ей все рассказать – все-все, даже такое, в чем стыдно бывает признаться себе самому. Вера выслушивала и снимала проблему с поверхности, как пенку с молока.

Однажды Марго увидела Веру в спектакле. – Это пассия Александра, – шепнула Эльвира, подруга Марго.

– Кто? – не поверила Марго. – Лошкарева?

– Да, да... Представь себе...

Марго пришла домой и спросила сына в упор:

– Ты что, любишь Лошкареву?

– Не люблю, – ответил Александр. – Но очень хорошо отношусь.

– А-а... – протянула Марго.

Она поняла: Александр не собирается строить семью. А с кем он спит, это ее не касается. Должен же молодой мужчина с кем-то спать. Почему и не с Верой...

Первый фильм снимался мучительно, но слепился как-то. Его послали на фестиваль в демократическую страну, и фильм неожиданно взял главный приз.

После главного приза все вдруг заметили и фильм, и молодого режиссера. У нас так бывает: сначала надо понравиться за пределами, а потом уже разглядят и у нас.

К Вере слава долго не приходила. На улице ее не узнавали. В магазине она покорно отстаивала очередь. Ее не пропускали вперед, как других артисток. Коротко глянут – что-то знакомое, где-то видел, а где... черт его знает.

К другим слава приходила сразу, просыпались знаменитыми. Но не к Вере, хотя ей было уже под сорок. Однако случилось кое-что поважнее, чем слава. Вера забеременела.

Она думала, что этого не случится с ней никогда. Проживет свой век, как яловая корова, не познает счастья материнства. И даже находила в своем бесплодии положительные моменты типа: зачем плодить нищету, безотцовщину... Но, почувствовав первые признаки, замерла от счастливой надежды. Боялась кому-то сказать, чтобы не сглазить.

Районный врач подтвердила беременность. Вера унесла свой живот как драгоценность, которой нет цены.

Александр она долго не говорила, боялась сглазить. Но пить с ним перестала. И спать тоже перестала.

- Мне нельзя, - сказала она в один из дней.

- Почему? - не понял Александр.

- У меня будет ребенок.

- Чей?

- Твой, чей же еще...

- Как это?

- Как у всех.

- Но я не женюсь на тебе, - растерянно сказал Александр.

- Ну и не надо, - разрешила Вера. - Я себе рожу.

- Но со мной тоже хорошо бы посоветоваться.

– Живот мой. Ребенок мой. Чего советовать?

Она уже советовалась однажды.

Александр воспринял известие как удар. Где-то на стороне будет бегать его ребенок... А жениться на Вере – это все равно что жениться на родственнице. Или на Ольге из «Трех сестер». Александр хотел жениться на молодой современной девчонке, которую надо завоевывать, зверски ревновать, терять и находить, быть в постоянной борьбе и напряжении. А Вера – как таблетка от головной боли, протянутая на ладони. Взял и проглотил и запил кипяченой водичкой. Голова прошла.

Александр стал часто напиваться. Впадал во мрак. В мозгу его что-то нарушалось: то ли химия, то ли проводка. Что-то коротило, искрило. Лицо тоже менялось, непонятно в какую сторону. Взгляд что-то напряженно искал. Александр мог зарыдать. И рыдал.

Вера терпеливо все это выносила. Утешала как могла.

– Да брось ты, – говорила она. – Вон у Иванова трое детей на стороне. И ничего. Даже хорошо. Иванов – урод, его вообще надо кастрировать. А ты... такой красивый, такой талантливый, ты должен размножаться...

Александр слушал, и ему становилось полегче на какое-то время. В самом деле: у Иванова трое на стороне. А у Селиверстова – шестеро от пяти жен. Селиверстов уже и считать перестал.

И тем не менее не о такой жизни мечтал Александр. Он мечтал о красивой, чистой, единой семье. Ребенок на стороне – как испорченный замысел. Сюжетная линия жизни нарушена. У него уже был ребенок от первой жены, произносил первые слова, делал первые шаги – и все это без него. А теперь и второй. Катастрофа.

Марго и ее муж Алексей Иванович вели довольно сепаратную жизнь, как рыба и птица. Один – в воде, другая – в облаках. Не было страсти, не было пуританской верности, но было что-то более существенное, куполообразное, как небесный свод, накрывающий Землю на старых картинках.

Это нечто большее – семья. Александр помнил, как в детстве по вечерам семья высаживалась вокруг стола, обсуждались его гланды.

Александр часто болел ангинами. Могло быть осложнение на сердце. Одни врачи предлагали вырезать гланды, другие не советовали. Гланды – это фильтры. Природа – гениальный конструктор и не создает ничего лишнего. Убрать гланды – значит убрать фильтры.

Отец был против операции, Марго – за.

Александра положили на операцию. Он до сих пор помнит этот ужас.

Но, страдая во время операции и после, он знал, что его страдания, как дрожащая струна, достигают сердца матери и отца и их ответная струна вибрирует той же частотой колебаний.

Общая вибрация – вот что такое семья. Лето стояло жаркое. От асфальта исходило ядовитое испарение. Вера попросилась за город. Ей хотелось подышать чистым сосновым воздухом.

Александр согласился.

Поехали по Киевской дороге. Куда глаза глядят. Остановились в красивом месте.

– Я кушать хочу, – сказала Вера.

Александр зашел в сельский магазинчик, купил нехитрую еду: хлеб, колбасу, пакет молока.

Разложили еду на пеньке. Сами сели на поваленное дерево. Стали есть не торопясь.

Еда казалась вкусной и свежей. Птицы пели. Вера думала о чем-то своем. Она оставила волосы распущенными. Волосы были тонкие, легкие, взлетали от любого самого маленького порыва ветра.

Вера утратила свою стильную худобу. Талия сгладилась. Стало заметно, что она – понесла. Мягкость, округлость, коровье спокойствие во взоре.

Александр поднялся с дерева. Стал прохаживаться туда и сюда. Вера глядела на его форму головы, прямую спину, на его походку и думала: у нее родится сыночек, у него будет такая же фигура, такие же медовые глаза.

– Сделай аборт, – попросил Александр.

– Какой аборт... Мне через три месяца рожать. Он уже живой.

– Бывают преждевременные роды, – настаивал Александр.

Вера молчала. Потом спросила:

– Чего ты боишься? Мне денег не надо. Я и сама его прокормлю.

– Я не хочу, чтобы мои дети росли на стороне.

– Мне скоро сорок. Я должна успеть родить. Иначе я останусь без детей, как огурец-пустоцвет.

– Роди от кого-нибудь другого.

– У меня нет другого. Я тебя люблю. Я хочу твоего ребенка.

– Ты глухая, – сказал Александр.

– Это ты глухой. Ребенок уже шевелится, бьется пяточками. Я уже люблю его.

– Если ты не сделаешь аборт, я сейчас разбегусь и разобью себе голову. Вот об эту сосну. – Александр показал на мощное дерево с розовым стволом.

– Твоя голова, делай что хочешь, – ответила Вера и отвернулась.

Александр стоял и слушал себя. Потом вдруг сорвался с места, разбежался и ударился о сосну всем телом, лицом и головой.

Очнулся в сельской больнице.

Был слышен рев взлетающих самолетов. Значит, рядом находился аэродром.

Вера сидела возле кровати со скорбным лицом овцы и держала его за руку. Вера страдала.

Александр стало стыдно: зачем он мучает беременную Веру, при этом беременную его ребенком? Значит, он мучает их обоих. Подлец, в сущности.

Александр страдальчески сморщился. Болело все: бок, лицо, голова. Его тошнило, и рвотные позывы тоже вызывали боль.

Вера поила его боржоми из стаканчика, обтирала ваткой лоб. Она делала все, чтобы облегчить его страдания, но при этом была несокрушима как скала. Александр мог стучаться головой о стену, стреляться, вешаться. Вера не услышит. Она сделает все так, как задумала. Александр чувствовал себя кроликом, которого жует крокодил и при этом плачет. Крокодиловы слезы. Александр понимал, что им воспользовались как кроликом. И протест поднимался из глубины души, как тошнота.

Рожала Вера тяжело. Врачи называли ее «старая первородящая». Трудно было всем: и Вере, и врачам, и ребенку. Пришлось применить щипцы. Щипцы были похожи на орудие инквизиции.

Ребенок оказался мальчиком.

Вера глянула на него и влюбилась. И зарыдала от ужаса, что его могло не быть вовсе. Вдруг бы Александр уговорил... Она плакала от мыслей, что ребенка не хотели, и эта тема обсуждалась, пусть даже односторонне. Вера смотрела на свое чадо. Он вдруг смешно сморщился и чихнул. Как настоящий. Он и был настоящим, только еще очень маленький, в самом начале своей жизни. –

Счастье... – тихо проговорила Вера.

Мальчик не услышал. Он спал. Набирался сил.

Александр в это время находился на Крайнем Севере. Снимал фильм о полярниках.

Было холодно, и очень холодно. Грелись разведенным спиртом.

Александр постепенно превращался в сильно пьющего трудоголика. Он умел только пить и работать. А жить он не умел. Вернее, это и была его жизнь: напряженная работа и пьянка как разрядка. Напиваясь, он разряжался и отдыхал.

В группе Александра любили. Прежде всего – за результат труда. Все знали: как бы ни было трудно, все закончится победой. А это – главное. Их собрали на хорошее дело, и люди шли как на подвиг.

Женщины в группе дополнительно любили Александра за то, что он был молодой и неженатый. А значит – перспективный мужчина.

Женщины созданы природой для любви и для семьи. Созданные, но не востребуемые.

У Александра вспыхивали временные связи, но он на них не сосредоточивался. С кем-то спал, а наутро не помнил, как ее зовут.

Ничто не могло отвлечь его от работы. Главное – кино. А он, режиссер, – повелитель с хлыстом или раб на коленях.

Главнее кино нет ничего.

Марго знала, что Вера Лошкарева родила мальчика. В мире кино все новости распространяются мгновенно.

Марго переживала случившееся. С одной стороны, союз Веры и Александра – законченный мезальянс. Это как если бы молодой барин женился на дворовой девке. С другой стороны, родился ее внук, ее кровь, новая жизнь, продолжение рода.

Веру встречали чужие люди. Не совсем, конечно, чужие: подруги, соседи. Принесли ватное одеяло – не то, которым Вера накрывалась в кулисах. Купили новое. И пододеяльник в синий цветочек. Но все равно красоты большой не было. Ребенок затерялся, буквально утонул в толстых складках одеяла. Его розовая мордочка величиной с кулачок выглядывала со дна.

Вера, конечно, хотела бы видеть Александра среди встречающих. Но она не стала его вызывать. Отвлекать от съемок. Зачем заставлять человека делать то, чего он не хочет?

Хорошо, конечно, иметь полный комплект: и сына, и мужа, но в сложившейся ситуации лучше так, чем никак. Могло вообще никого не быть. А теперь у нее есть сын, и это навсегда. На всю ее жизнь. Прощайте, сиротство и одиночество. У нее есть сын, дом и профессия.

Благодаря кому? Александру.

Александр сделал ей сына. Вера долго не беременела, и только активный, молодой, гормонально насыщенный сперматозоид Александра прорвался через все преграды и достиг нужной цели.

Квартира тоже оказалась куплена с помощью Александра. Если бы не его половина, Вера не смогла бы одолжить такую астрономическую сумму.

И профессионально он ее продвинул. Вера сыграла несколько полноценных эпизодических ролей. Застолбила свой типаж, и другие режиссеры стали приглашать наперебой. Вера была первая среди вторых.

Кому сказать «спасибо»? Александру. А то, что он не захотел жениться, – можно понять. Они не сошлись во времени. Десять лет – громадная разница. Через десять лет у нее закат. А у него – расцвет.

Вера все умела понять и не озлобиться. В ней совсем не было зла. Она все воспринимала как благо. Господня воля.

После ладожской Дороги жизни, когда твой грузовик ползет в колонне, сверху гудят немецкие самолеты, разрывы слева и справа, столбы воды и расколотого льда и уходящие под воду грузовики с живыми и теплыми людьми, – после этого все, что предлагала жизнь, – все хорошо. И даже замечательно.

Мальчик был назван Иван, в честь Иоанна Богослова.

Это имя ему очень шло. Иванушка – и больше никто. Большие синие глаза, золотистые волосы. Пастушок.

«Из наших. Из ивановских», – думала Вера.

Она его мыла, купала, кормила, гуляла – все по часам и по минутам. И не уставала. Бог давал силы. Вера была готова нести любые нагрузки, потому что она делала главное дело своей жизни.

– Счастье! – страстно произносила Вера, зарываясь лицом в теплое драгоценное тельце. – Счастье...

Мальчик смотрел серьезно, как будто что-то понимал. И самое первое слово, которое он произнес, было:

– Тя-ття, – повторил слово «счастье».

Трудно сказать, как грудные дети видят свою мать. Может быть, лицо Веры казалось Иванушке солнышком, от которого тепло, светло и вся жизнь.

У сыночка были чудесные ручки с длинными пальцами и овальными ногтями, аккуратные ушки, реснички. Он был весь доношенный, доделанный до конца. Само совершенство.

Когда Александр вернется, он влюбится в своего сына – так думала Вера. И даже если не женится, то будет приходить к ним как к себе домой. А Вера с Ванечкой

будут его ждать и демонстрировать свои успехи. А если вдруг Александр женится на одной из своих подружек, он все равно будет приходить к Вере и навещать своего сына. Кровь – не вода.

Вера ни на что особенно не надеялась и не рассчитывала. Материнство заполняло ее до краев, и рядом со счастьем материнства все остальное казалось сущей ерундой – роли, положение в обществе, кто что говорит...

Заходили подружки, втайне сочувствовали Вере: мать-одиночка, без особых перспектив на полную семью. А Вера втайне сочувствовала им: бегают, суетятся, юбки треплют, чужих вонючих мужиков обнимают. Разве не лучше прижимать к груди теплого, живого ангела и целовать его в мокрое рыльце... Разве не лучше возвращать свое?

Подруги уходили. Вера ставила кварцевую лампу, чтобы санировать помещение, убить микробы. Открывала окно, очищала воздух. Для нее люди – носители грязи. А ребенок еще маленький и хрупкий. И кто, как не она, должна его оберегать и защищать.

Однажды после ухода Вальки Саниной Ванечка стал задыхаться. «Сглазила», – испугалась Вера. Стала читать заговор от сглаза, но ничего не помогало.

Ребенок синел, ловил воздух крошечным ртом. Смотреть на это было невозможно. Казалось, она сама его душит.

Вера заметалась. Вызвала скорую помощь. Скорая отвезла ребенка в детскую Морозовскую больницу.

Веру положили вместе с ребенком. Иначе и быть не могло. Вера все равно пролезла бы к своему мальчику, хоть по стене, как альпинист. Хоть через трубу, хоть на крыльях, как Карлсон, который живет на крыше.

Их поселили в отдельном боксе.

У мальчика оказался ложный круп. Врачи объяснили, что это – аллергическая реакция. На что? Должно быть, на Вальку Санину. У Вальки на голове был буйный парик, на плечах – чернубурая лиса. Сплошная пыль и микробы.

Ванечке сделали укол. Приступ прошел. Но ребенка задержали в больнице еще на несколько дней. Для верности.

От Вальки Саниной исходил не только вред, но и польза. Она позвонила Марго и сказала, что Веру Лошкареву с ребенком забрали в больницу и неизвестно...

Марго почувствовала, как сердце ее заметалось в грудной клетке. Александр был на съемках. Участвовать не мог. Да и какое участие от Александра? Напьется и отключится.

Александр в житейских вопросах – пустое место. А вот Марго – другое дело. Она в состоянии начать войну между государствами и остановить войну. А когда вопрос касается кровного внука...

Марго отправилась в Морозовскую больницу, перетряхнула ее сверху донизу, напугала главного врача, хотя тот был ни в чем не виноват.

Главврач собственноручно, вернее, собственной персоной отправился сопровождать Марго. Он шел рядом со стремительной красавицей средних лет, и ему нравилось ей подчиняться.

Марго вошла в бокс и увидела грудного внука. Он был копия ее мужа, Алексея Ивановича. Лысая голова, брови вниз, нос крючком.

Самое начало жизни и самый конец – идентичны. Природа делает кольцо. Поэтому младенцы и старцы похожи: лысые, много спят.

Марго смотрела на своего внука, и ее сердце плавилось от любви и жалости.

– Я забираю вас к себе, – заявила она Вере.

Вера что-то залепетала: то ли спрашивала, то ли возражала. Но Марго не хотела слушать. Она не могла оставить ребенка на эту вялую овцу Веру. Ребенок – слишком ответственное мероприятие и слишком большое сокровище, чтобы им рисковать.

Вера с Иванушкой переехали в семью Александра. Без самого Александра. Его не спросили. А зачем? Марго и без него все решила.

Счастье Александра – кино. Но кино – это мираж. А готовый ребенок – это реальность, с ногами, руками, мордочкой и даже с говнецом.

Вера и Ванечка поселились у Марго. Генеральская квартира – четыре комнаты, кухня тридцать метров и длинный коридор, хоть катайся на велосипеде.

Вера неделю занималась генеральной уборкой. Солнце сверкало сквозь чистые окна. Но главное солнце – Ванечка.

Алексей Иванович торопился с работы домой, чтобы успеть погулять с внуком. Ему доверяли эту позицию.

Марго просыпалась в хорошем настроении. Как в молодости. За стеной квакал Ванечка. Ни у кого не было таких детей – так ей казалось. На него можно было смотреть не отрываясь. И не надоедало. Марго удивлялась: как соединились в этом мальчике молекулы двух столь разных людей – Веры и Александра. Энергетический взгляд Александра, сразу виден характер. А от Веры – славянская милота и общий облик. Казалось, что этот ребенок был всегда. И странно, что когда-то его не было. На работе у Марго произошла неприятность, а именно – перестановка кадров. Марго была уверена, что ее повысят в должности и зарплате. А повысили некую Микушеву. Был звонок сверху, и несправедливость восторжествовала.

Марго заплакала. Ее кинули и обидели.

Если бы дело происходило не в Москве, а на Кавказе и если бы у Марго были братья, они начистили бы рожу кому надо. Защитили бы честь сестры. Но дело происходило в Москве. Чистить рожу никто не стал. И даже словесно не обругали. Не будет же муж Марго, генерал тыла и транспорта, материть по телефону начальника отдела кадров.

Марго просто перестала ходить на работу. Ей стало противно. А тут и внук подрос.

Ребенок в доме – столько работы. И сколько бы ни было помощников, всей работы не переделать. А что касается морального удовлетворения, то и сравнивать нечего. Хоровое пение – для публики, для незнакомых людей. А ребенок – лично себе. Твое собственное бессмертие.

Марго ушла на пенсию. Окунулась в семью. И это оказался целый мир. И в нем – простор для творчества, не меньший, чем в музыке.

По вечерам, когда ребенок засыпал, сиделись играть в карты: генерал, Марго и Вера. Игра была дурацкая, но мозги отдыхали.

Марго не любила проигрывать, мухлевала. Вера разоблачала. Справедливость восстанавливалась. И не было более спаянной команды, чем эта, объединенная спящим мальчиком за стеной.

Александр вернулся, когда Иванушке было восемь месяцев. Он еще не ходил, но уже ползал – стремительно, как таракан. Только что тут – и уже в другом конце длинного коридора.

Александр поставил чемодан. Снял дубленку.

Ванечка оказался у него под ногами. Александр боялся сдвинуться с места. Боялся наступить.

Вышла Вера. Подняла мальчика на руки. Богоматерь.

– Тя-ття... – проговорил ребенок.

– Счастье, – перевела Вера.

Александр понимал: ему надо занять определенную позицию. Да или нет.

ДА – значит Вера и ребенок остаются в доме. Значит, Александр практически женат. Гражданский брак.

НЕТ – значит Вера тихо, постепенно перебирается на свою территорию. Значит, у Александра на стороне есть ребенок, но сам он свободен, с чистой совестью и паспортом.

В коридор вышла Марго, которая теперь всегда была в доме. Она подошла к Вере и забрала мальчика.

Вера со свободными руками шагнула к Александру и обняла.

Знакомое женское тепло. Отчий дом. Ребенок – ангел. Все сложилось.

Александр и сам не знал: как ему лучше – да или нет... Вера или другая? Но другой – нет. Она в воображении. И материализуется ли когда-нибудь? А в реальности – преданная Вера. Сын, наследник. Отец и мать, влюбленные во внука. Дерево жизни: корни и веточка.

Александр ничего не сказал. Ушел в ванную.

Он лежал и отмокал от десятимесячного отсутствия, от грязи и пьянства, от случайной еды и случайных связей. Экспедиция – это цыганский табор. Все временно и случайно, с проблесками творческого счастья.

Александр промолчал, и Марго стало его жалко.

Александр вместо Ирины из «Трех сестер» получил Ольгу – возрастную и положительную. И теперь он должен изображать семейное счастье. Или не изображать.

Александр выбрал центристскую позицию: он старался не огорчать Веру, соблюдал супружеский и отцовский долг. Но при этом жил как козел на поводке. Поводок можно было отпустить на любую длину.

Вера наконец-то получила все, о чем мечтала: дом, мужа, сына и нетрадиционную свекровь. Обычно свекровь и невестка – скрытые соперницы. А Вера и Марго – подруги и единомышленники.

Марго понимала: Вера старше Александра, секс страдает. Но для Александра с его характером вечного мальчика гораздо важнее материнское начало. Вера с ее талантом терпения – вторая мать. А это важнее, чем секс. Секс можно добавить на стороне. Как соль в пресную еду.

Вера видела, что со свекровью ей повезло невиданно, и старалась ей угодить. Она взяла на себя все домашнее хозяйство. У нее оказались «вкусные руки» и, главное, способность к обучению.

Марго знала много секретов, которые превращали простую еду в кулинарный шедевр.

В дом постоянно шастали гости: одни ушли, другие пришли.

Марго расцветала от гостей. Подпитывалась энергией. Как она умела встретить... Как принять... Марго любовалась пришедшим – скрыто и явно. Каждый человек для Марго был носителем божественного промысла, секрет которого надо было разгадать. И она разгадывала. И находила в каждом то, чего не видел никто до нее.

Марго была доброжелательна. А доброжелательность – это и есть интеллигентность.

Вера привыкла к унижениям. Как-то так получалось, что ее все унижали: первый муж, художник Вилен, сама жизнь с матрасом в кулисах, режиссеры, которые не видели в ней героиню, Александр, не допускавший мысли о женитьбе. И только Марго видела в Вере и актрису, и женщину, и личность. И постепенно Вера прониклась ее уверенностью. Да. Она не хуже других. И даже лучше многих.

Вера расцвела. Уверенность ей шла. Режиссеры наперебой приглашали Веру сниматься. Главных ролей она по-прежнему не получала, только эпизоды. Играла простых, русских и справедливых. Вера отпечаталась в сознании как хороший человек. Ее уже узнавали на улице и улыбались как знакомой, почти родственнице. Веру любили. Ее невозможно было не любить.

Казалось, что к ней можно прийти домой и она не прогонит, а покормит и даст с собой. Человек, прошедший суровую школу жизни, умеет сочувствовать.

Вера стала меньше бывать дома – экспедиции, съемки. Задворки страны.

Но где бы Вера ни оказывалась, отовсюду писала домой письма.

Каждое письмо неизменно начиналось обращением: «Здравствуйте, дорогие!»

Буквы были крупные, по три слова на строчку. Строчки скатывались вниз, на странице умещалось очень мало текста. Семь строчек по три слова. А много и не надо. Главное – было куда послать сигнал любви. У нее есть семья, дорогие люди, и она тоже есть у них.

Возвращаясь домой, Вера кидалась в домашнюю работу со всей страстью. Тянула лямку хозяйства, как бурлак баржу. Ее не останавливали. Привыкли. Считали: так и надо.

Каждый вносил свой вклад в семью. Иванушка – маленькое солнце, все крутилось вокруг него. Марго – мозговой центр, мировой разум. Вера – обслуга, девка Палашка. Александр – наше ВСЕ. Как Пушкин. Алексей Иванович – сопутствующие товары. Он куда-то уходил на работу, откуда-то возвращался, с той же работы. Но что он там делал, Вера не знала. Да и никто не знал. Не интересовались.

Александр готовился к очередному фильму.

Для Веры там был очередной эпизод.

Сценарист – молодой и модный Ромка Беликов, выпускник ВГИКа. У него была короткая челка и короткие, будто подстриженные зубы.

Лицо – не гармоничное. Он был некрасив до тех пор, пока не раскрывал рот. Но, когда он его раскрывал и начинал говорить, не оставалось ни одной равнодушной женщины. Любая готова была отдаться Ромке и идти за ним босиком по снегу. Власть таланта. В шестидесятые годы талант котировался очень высоко. Так же, как сегодня деньги. Ромке за талант прощали все: долги, вранье, пьянство. Ромка не держал слова. Слова были ему нужны только для того, чтобы сочинять сценарии и врать.

Работали в квартире Александра. Марго любила, чтобы ее мальчик был у нее на глазах, обедал вовремя и из ее рук.

Рабочий день начинался в десять утра.

Однажды Ромка явился задумчивый и загадочный.

Стали разминать историю, выстраивать эпизоды – что за чем. Ромка неожиданно поднялся и сказал:

– Щас... – И вышел.

Александр решил: Ромка пошел в туалет. Это не обсуждается.

Александр сидел и ждал.

Ромка явился через два месяца. Оказывается, он ушел в запой, который продолжался два месяца.

Существует патология одаренности. Нормальный человек не может создать Реквием или написать Сикстинскую Мадонну. Талант – это не норма. Норма – заурядность.

В отсутствие Ромки Александр попытался работать один, но это оказалось невозможно. Все равно что одному играть в теннис.

Через два месяца Ромка вернулся – виноватый и плодотворный. Они работали быстро и вдохновенно. Подвигались к финалу. И вдруг... не вдруг, конечно, у Ромки родился ребенок. Надо было идти в роддом встречать жену. А работа шла. Финал – самый ответственный момент. Конец – делу венец.

Александр боялся, что, если Ромка отвлечется на семейное событие, он опять пропадет на два месяца. А это – катастрофа.

Александр оделся и поехал вместе с Ромкой в роддом.

Все, что происходило, явилось фоном, на котором они работали.

Ребенка долго не выносили. Александр и Ромка стояли рядом и бубнили, как дьячки. Александр предлагал свой вариант, Ромка – опровергал или поддерживал. Переговаривались негромко, чтобы не обращать на себя внимания.

Наконец вышла Ромкина жена Аня, абсолютная красавица. Рядом – улыбающаяся нянечка протянула Ромке ребенка. Потом все куда-то ехали, прибыли в новый район, где Ромка получил квартиру. Поднялись на лифте на девятый этаж. Все устремились в квартиру, а Ромка и Александр остались на лестничной площадке возле подоконника. Разложили листки, и Ромка торопливо записывал то, что они придумали. Им было по-настоящему интересно. А то, что происходило вокруг – родители, дедушки, бабушки, кровать, пеленки и даже новорожденная, – все это шло мимо них.

Аня сгорала со стыда. Ей было неудобно перед родителями. Ромка – муж и отец – не обнаруживал никакого интереса к потомству. Вел себя равнодушно и отстраненно, как селезень на пруду. Никакого внимания к выводу.

В квартире накрыли стол. Пришлось оторваться от финала и присоединиться к гостям.

Водка стояла на столе в запотевших бутылках, переливалась голубым, перламутровым, как драгоценный камень опал. И даже на вид была холодной.

Произнесли красивый витиеватый тост в честь новорожденной. Пришлось опрокинуть рюмку, иначе было невежливо. Потом пили в честь родителей – Ани и Ромки, – в честь дедушек и бабушек.

Александр пытался тормозить Ромку, но скоро понял, что это бесполезно, и сам устремился в блаженный запой, как горнолыжник с высокой горы.

Запой уводил от реальности. И сценарий уводил от реальности в вымышленную жизнь. Ромка и Александр не умели жить в реальности. Им было там скучно. Гораздо интереснее придумать свою страну, населить ее своими людьми и заставить их жить по своим законам.

Жизнь катилась по накатанной колее.

Иванушка рос и радовал каждый день.

Александр оставался ребенком, при этом трудным ребенком. Как говорят французы: анфан террибль. Он мог встать среди ночи и отправиться в аэропорт. Аэропорт был единственным местом в Москве, где можно было достать бутылку водки. Буфет работал круглосуточно. Такова была Москва шестидесятых годов.

Александр, мучимый похмельем, вставал среди ночи и шуршал в прихожей. Одевался.

Вера покорно поднималась и, не говоря ни слова, тоже одевалась, чтобы сопровождать Александра в аэропорт. Быть рядом. Мало ли что может случиться с пьяным человеком.

И случалось. Однажды Александр упал, не заметив ступеньку, и сломал себе копчик. После этого он два месяца спал на полу. Врач рекомендовал жесткую поверхность.

Вера тоже спала рядом на полу. Делила участь.

Вера относилась к Александру как мать к своему сыну. Она и была запасной матерью. Марго это устраивало. Марго опасалась, конечно, что Александр влюбится в какую-нибудь молоденькую вертихвостку. Но они (Марго и Вера) ему это разрешат. Как регулируемую шалость. Главное – семья, клан, здоровье Иванушки и успехи Александра. А все остальное приходяще. И уходяще.

Обычно чего боишься, то и случается.

Александр влюбился в молоденькую вертихвостку. Ее звали Нэля. Конечно, актриса. Кто же еще...

Нэля не была вертихвосткой в обычном понимании этого слова. Она не вертела хвостом влево и вправо. Просто она была очень красивая и добрая. Если кто-то

влюблялся и изъявлял желание, Нэля проявляла сочувствие. Она была детдомовская и научилась ко всему относиться просто.

Нэле в ту пору было двадцать пять лет, но выглядела она на четырнадцать. Юная, тоненькая, с формами. Губы припухшие, как будто наелась киселя.

Александр впервые увидел ее на телевизионном экране и напрягся. Ему захотелось обнять, утешить, защитить, целовать эти губы.

– Кто это? – спросил Александр у Веры, не отрываясь от телевизора.

Вера глянула коротко:

– Нэлька Субботина. Замужем. Ребенок есть.

Главное было – донести, что Нэлька занята. Пусть Александр не раскатывает губу.

– А кто муж? – спросил Александр.

– Никто, – сказала Вера.

Это значило, что муж непрестижный.

– К ней сын министра сватался, – продолжала Вера. – Не пошла.

– Почему? – спросил Александр.

– Дура. Нерасчетливая.

– А ты расчетливая?

– Конечно...

– А говорила: любовь... – удивился Александр.

- Так любовь и есть главный расчет.

Александр пригласил Нэлю на пробы, хотя и без проб знал, что играть будет только она, и больше никто.

Нэля вошла в кабинет режиссера. Александр полулежал на диване. У него все еще болел копчик.

- Вы возлежите, как древнеримский грек, - сказала Нэля.

Александр не отреагировал на шутку. Да и что это за шутка... Он был строг. Официален. Он боялся, что Нэля увидит его зависимость и потаенную страсть.

- Перекрасьте в другой цвет, - велел он, не глядя на Нэлю. - И сделайте пробы.

Нэлю перекрасили в черный цвет. Она тут же стала старше, проще. Пришлось вернуть прежний цвет.

- Я из-за вас лысая стану, - упрекнула Нэля.

- Волосы не зубы. Вырастут, - заметил Александр.

Он не понимал: зачем перекрашивал? Ему всегда нравились именно блондинки. И что вообще с ним происходит? Он думал только о ней. Все время хотел видеть. А когда видел - этого было мало. Александр как будто жаждал и не мог утолить жажду. Стало ясно, что в женщине важны не добродетели, а именно «поди сюда». Нэлька звала, тянула и манила, хотя ничего для этого не делала. Просто была.

В доме быстро все заметили.

Александр ничего не говорил, но ходил какой-то потусторонний.

- Ты влюбился? - прямо спросила Вера.

– Пройдет, наверное... – ответил Александр.

Вера напряглась: а если не пройдет?

Вера кинулась к Марго.

Марго раскинула свою агентурную сеть. Верные люди сказали, что Нэлька не опасна. Не расчетлива. И обязательно сделает ошибку.

Надо ждать ошибку, и тогда Александр сам отплывет от Нэльки. Отодвинется.

Александр страдал. Марго это видела.

Она решила приблизить Нэльку к дому, приглашать на семейные праздники.

Время от времени Александр крепко напивался. Марго и Вера предпочитали, чтобы он пил дома. Они могли тогда руководить процессом: вовремя дать горячий супчик, вовремя положить спать. Но для Александра был важен не супчик и не сон. Главное – компания. Разговоры. Поиск истины.

Марго звонила Нэле.

Нэля не смела послушаться и приезжала на дом. Робея, входила в большую прихожую, уставленную книгами. По комнатам бегал маленький мальчик – от рук к рукам. Его все любили и ласкали.

Марго и Вера открыты и доброжелательны – сердца нараспашку.

А сам Александр – как царь за накрытым столом, тоже царским. Здесь же друзья-товарищи: сценарист Ромка Беликов, оператор Гаврюшкин – ясноглазый красавец.

Нэлю усаживали возле Александра по левую руку. Вера садилась по правую. Александр обнимал за плечи одной рукой Нэлю, другой рукой Веру и провозглашал:

– Вот так я хотел бы жить. Вот моя семья.

Все смеялись, как над шуткой. А это была чистая правда. Именно так он и хотел бы жить. Хлеб и розы.

Нэля – розы, аромат, красота, счастье. А Вера – все остальное: сын, порядок, уверенность в завтрашнем дне. Как за каменной стеной.

В мусульманской морали есть свой магический кристалл: старшая жена, младшая жена. И все при хозяине. Никто никого не бросает.

Христианская мораль не терпит соперничества и совмещения: Я, и только Я. Отсюда трагедии и разводы.

Женственность Нэли не была агрессивной, захватнической. Она вполне смирилась бы с ролью младшей жены или просто любовницы. Она стала бы актрисой талантливого мастера, как Орлова у Александрова, как Ладынина у Пырьева, как Чурикова у Панфилова. Она состоялась бы как личность и как женщина. Но Нэля – это Нэля. Не умела и не хотела смотреть дальше своего носа. И она сделала ошибку.

Ошибка произошла в Ромкиной квартире.

Александр взял у Ромки ключи. Он планировал провести с Нэлей свой первый романтический вечер. Как он об этом мечтал. И вот – мечта сбывается.

Александр разделся и лег в Ромкину кровать. (Семья была в отъезде.) А Нэля не торопясь тянула юбку через голову. Она стояла – такая юная и такая пряменькая. Волосы запутались в молнии, она медлила и что-то произносила. Какие-то слова.

Александр прислушался и услышал:

– Я жила с Сергеем Константиновичем Крыловым, со Львом Яковлевичем Шерманом, сейчас буду жить с вами, а люблю я Гаврюшкина.

Александр показалось, что его ударили наотмашь по лицу. В нем все упало, и прежде всего душа. Она грохнулась и раскололась.

– А зачем ты здесь? – спросил Александр.

– Вам же хочется, – сказала Нэля. – Я же вижу. В меня мальчишки в детдоме влюблялись. У них были такие же глаза.

– И ты всем давала?

– Не всем. Но вообще мне было их жалко.

Нэля наконец-то выпуталась из своей юбки. Отвела волосы с лица.

– Иди домой, – сказал Александр.

Нэля немножко удивилась, ее глаза чуть-чуть расширились.

– Можно? – спросила она.

– Можно. Иди.

Нэля торопливо натянула юбку. И ушла. Александр услышал, как хлопнула входная дверь. И заплакал.

Если бы Нэля вернулась обратно, вошла в комнату и сказала: «Я пошутила. У меня никого не было и не будет, кроме тебя», – он простил бы ей все, бросил Веру, забыл свое прошлое. Он бы женился на ней, поставил штамп в паспорте. Никакого многоженства. Нэля – единственная женщина на всю жизнь. Ему всегда хотелось бы смотреть на ее красоту, вдыхать ее женственность, восхищаться ее глупостью... Но Нэля не вернулась. Она не любила Александра. Она легко бросала мужчин и легко мирилась, когда бросали ее. Детдомовская закалка.

Александр замкнулся. Много работал и много пил. Он вообще умел только пить и работать. А жить он не умел.

Вера тянула свою телегу: ребенок, хозяйство, съемки. Она много снималась и хорошо зарабатывала. Купила себе шубу из черного каракуля. Шуба – внушительная, генеральская, но было до слез жалко ягнят, с которых содрали эти шкуры. Если бы открутить время назад, какой стоял бы крик овечьих детей...

Иванушка превратился из младенчика в пацанчика. Это уже был пятилетний мальчик – шумный, хорошенький, избалованный. Ему ничего не запрещалось. Можно все. Иногда он подбегал к Вере и пинал ее своей крепкой ножкой.

– Накажи его! – возмущалась Марго.

– Ребенку нужна разрядка, – возражала Вера. – Он должен скидывать агрессию.

– Почему на тебя? – не понимала Марго.

– А на кого?

И в самом деле. Пинать Александра запрещалось. Деда и бабушку тем более. Оставалась только Вера.

Вера сразу заметила, что Нэлька испарилась. Александр ходил скучный, подавленный. Но Вера знала, что это пройдет. Главное – переждать.

Вера выстраивала сочувственное лицо, но в глубине души ликовала. Опасность миновала, да еще какая опасность. Будь Нэлька похитрей, все полетело бы в тартарары. И Марго бы не помогла.

Александр не забывал случай с сосной и понимал, что сосна – это Вера. Он всегда будет разбивать об нее голову, а Вера – оставаться несокрушимой, как ствол, хоть и с сочувствующим лицом.

Однако Вера была ни в чем не виновата. Она не вмешивалась, не скандалила, не заявляла своих прав. Она просто пережидала. Действовала по принципу: делай как должно, а там – как будет.

Фильм с Нэлькой в главной роли был закончен. Он получился единственный в своем роде. Ничего героического, ничего поучительного, никакой интриги. Просто ощущение солнца, молодости, радости, растворенной в воздухе, в легком тексте, в ясном Нэлькином личике. Видимо, любовь Александра пропитала атмосферу фильма. Но не только любовь Александра. Сработал талант Ромки Беликова, который умел видеть мир как никто другой. Другое видение. Александр ловил и усиливал Ромкину вибрацию. Они были на одной волне.

Имя Александра взвилось, как ракета, и рассыпалось в небе, как салют. Всем стало ясно: в кино пришел новый мастер, чтобы сказать новое слово. Ради этого стоило жить, хотя жить стоит во всех случаях.

Успех – это самый реальный наркотик. Александр упивался успехом, но еще больше он упивался водкой.

Марго тревожилась, а Вера затаилась. Она понимала, что алкогольная зависимость Александра лишает его маневренности. Трезвый человек, как легкая лодочка, маневрирует туда-сюда. А алкоголь – это якорь. Водка становится главнее женщин, главнее любви. Вера много работала. Батрачила в доме. Страстно любила и баловала своего сыночка. И боялась. Ей все время казалось: что-то произойдет. Появится другая и украдет ее счастье.

Кооперативная квартира Веры – та самая, которую она приобрела с помощью Александра, – стояла пустой. Марго предлагала сделать обмен: взять две квартиры – ее и Верину – и обменять на одну большую. Но Вера не хотела слушать. Она предпочитала иметь свой угол, чтобы было куда уйти в том случае, если ее выгонят.

Выгонять Веру никто не собирался. Александр привык жить так, как он жил: гость в доме, холостяк на улице.

В доме его все обхаживали и облизывали. В случае загулов искали по всей Москве. Ну какая нормальная женщина будет терпеть такого мужа? А Вера терпела.

Александр был ее ВСЕ: отец ребенка, муж, мастер. Вникал в ее роли. Разбирая очередную роль, давал совет:

– Играй зависть...

– А как ее играть? – не понимала Вера.

– Прячь. Зависть всегда прячут, поглубже.

– А что наружу?

– Наружу любезность, искренность...

И Вере сразу становилось понятно, что делать перед камерой: играть любезность, а в глазах злость.

Вера становилась сильной актрисой.

Вере исполнилось сорок шесть лет. Сорок шесть – это не бутон, конечно, это – распутившаяся роза с первыми признаками увядания, и начальное увядание обостряет природный розовый аромат, удваивает красоту цветка. Скоро лепестки начнут падать, роза станет облетать. Но это – потом. Это не скоро или никогда. Пока роза стоит в напряженной, гордой красоте, кажется, что она – вечна.

Другая

Она появилась в серый ноябрьский день. Молодая, тихая, в очочках. Студентка сценарных курсов.

Ее сценарий приняли на «Мосфильме», но требовалась доработка. Александру предложили доработать сценарий.

Александр согласился, поскольку находился в простое. Марго и Вера боялись его простоев. Ничего неделание могло вылиться в нескончаемое застолье, а пьянство

подрывало печень, вело к циррозу. А цирроз – это дорога в один конец, понятно в какой.

Александр согласился на доработку.

Договорились работать у него в доме. Рабочий день начинался в десять утра.

Девушка явилась без опоздания, ровно в десять часов, – милая, тихая. Вера напряглась: в тихом омуте черти водятся.

Но никаких чертей не предвиделось. После первого знакомства выяснилось, что девушка замужем, имеет ребенка. Успела окончить педагогический институт. Значит, умная и серьезная. Вера успокоилась и даже расположилась к молодой сценаристке. Звали ее Леонсия, сокращенно Лена.

Лена и Александр начали работать в его восьмиметровой комнате. Друг против друга. Посередине маленький журнальный столик, на нем пишущая машинка.

Александр довольно быстро заметил в Лене одну особенность: она умела и хотела только сочинять и записывать. Все остальное ей было совершенно неинтересно. Ей было все равно – какое в стране политическое устройство. Она не понимала: как можно выходить на Красную площадь и протестовать в одиночку? Разве не лучше что-нибудь придумать и записать?

Лена плела свои сюжеты и не хотела иной участи. Как паук, который вырабатывает в себе паутину, сам из себя ее вытягивает и плетет в ажурную сетку – простую и сложную одновременно. Ей были интересны только те люди, которые возбуждали в ней желание работать, доставать из себя паутину.

Талант многое прибавляет к жизни, но столько же и отнимает.

Лена не решалась на второго ребенка. Ей казалось: ребенок отвлечет ее от чистых листков. Не даст создать главную книгу.

Какое заблуждение... Разве можно сравнить человека, рожденного тобой, с какой-то книгой... Но это становится понятно потом, в конце жизни. А пока идешь по чистому снегу, прокладываешь свою лыжню, свою дорогу – только это

и важно. Идти и оставлять след.

Александр и Лена уселись друг против друга и прочно замолчали.

Лена не знала, в какую сторону двигать замысел. Ей было стыдно за то, что она такая тупая и тугая.

- Извините, пожалуйста... - проговорила Лена.

- За что? - не понял Александр.

- За то, что я ничего не могу придумать.

- И ты извини, - сказал Александр.

В голову ничего не шло.

Александр взял гитару и стал бренчать. Бренчал он хорошо. Лена в этом понимала.

Александр бренчал. Вдруг отложил гитару и сказал:

- Нужен третий идиот. Он перевернет действие с ног на голову.

- Какой третий идиот?

- Кто угодно. Пусть кто-то случайно позвонит в дверь. Перепутает.

- Что перепутает?

- Дверь.

Они начали накидывать варианты, сюжет задвигался и тронулся с места. Действительно: не хватало нового действующего лица. Нужна была свежая

кровь, новая точка зрения. Александр это уловил.

Время побежало стремительно. Три часа пролетели как десять минут.

Заглянула Вера и сказала:

- Пойдем покушаем...

Перешли в кухню. На столе стоял золотистый запеченный индюк.

Марго спросила:

- Лена, вам черное мясо или белое?

Лена подумала, что белое мясо лучше и нескромно просить лучший кусок. Она сказала:

- Черное...

И ей дали ногу. Самую вкусную часть птицы.

Лена подняла глаза и спросила:

- Вы всегда так едите?

Лену восхищало всё и все: изумительная Марго с низким прокуренным голосом, Александр с золотыми мозгами и Вера в драном ситцевом халате. Халат разорвался под мышкой по шву, сбоку образовалась прореха. Вере это не мешало, даже наоборот: чем хуже, тем лучше. Уничуждение паче гордости. Вера вошла в семью, как бильярдный шар в лузу. Была нужна и необходима. И не имело значения - в каком она виде. Пусть другие хлопочут и стараются.

Лена не хлопотала и не старалась. Она была совершенно не опасна. Александр - при деле. Доработка сценария щедро оплачивалась киностудией. Так что куда ни кинь - сплошные плюсы.

Лена не опаздывала на работу, и это имело колоссальное значение. Александр ненавидел опаздывающих. Опоздание – это вид хамства. А точность – вежливость королей, как известно.

Лена приходила точно, по ней можно было проверять часы.

Сойдя с троллейбуса, она поднимала голову, видела в окне Александра, который уже стоял и ждал, как ребенок в больничном окне. Лена стаскивала с головы шапку и бежала бегом с шапкой в руке. Он смотрел, как она бежит, торопится, стремится, и что-то хорошее распускалось в душе.

Доработка чужого сценария – это вид халтуры. Просто заработок. Но Александр не умел халтурить. Чужое на время становилось своим.

Для Лены это был первый сценарий. Начало начал. И от дебюта зависела ее дальнейшая творческая судьба. Она это понимала и старалась изо всех сил. К тому же ей было интересно взаимодействовать с Александром. Каждая минута – праздник.

Александр любил проигрывать сцену. Он вставал с места, прохаживался по комнате, узкой, как купе, и изображал героя. Диалог рождался в процессе игры. Лена торопилась записывать, время от времени поправляя очки.

В особенно удачных местах Лена взрывалась восторженным смехом. Ее восторг Александр воспринимал как аплодисменты зала, заводился еще больше, становился ярким, талантливым, всемогущим.

Александр, как всякому творцу, необходимо было поощрение. Он расцветал от Лениного смеха, от ее сияющих глаз.

Если что-то не удавалось, Лена замыкалась. Сидела притихшая и незаинтересованная. Он понимал, что движется не туда. Менял направление.

Марго слышала через стенку смех Александра и радовалась. Ее мальчику хорошо. Он смеется. Он на подъеме.

Вера тоже слышала смех Александра – отрывистый, как лай. И смех Лены. «Кудахчет, как будто яйцо снесла», – думала Вера. Она ревновала. Лена была на семнадцать лет моложе. Семнадцать лет – много. Целая жизнь.

В час дня обедали.

Усаживались в большой тридцатиметровой кухне с круглым столом. У всех, кого она знала, кухни по шесть-восемь метров. А тут – просто зал с большим окном, солнце в первую половину дня.

Еда – тоже не как у всех. Не просто мясо с картошкой, а что-то необыкновенное, например телячья печенка, которую и жевать не надо. А уж если мясо, то с запахом костра. А картошка в золотой корке.

– Версаль... – мечтательно произносила Лена. – Песня...

Марго приятна такая оценка ее жизни. Ей всегда казалось, что квартира плохая. Мебель – рухлядь. Вера – заунывная, как ветер в трубе. А в освещении Лены получалось: квартира замечательная. Александр – супер. Мебель – эксклюзив, в одном экземпляре. А может, все так и есть...

Когда появлялась Лена, кончался дождик, всходило солнце. Все было ясно, весело, жизнь поворачивалась своими лучшими сторонами.

Сценарий продвинулся до середины.

После нескольких часов непрерывной работы хотелось сделать паузу.

Александр ставил кассету. Джон Леннон пел. Пел и преображал пространство. На стене висела фотография в рамочке: молодая Марго держит на руках маленького Александра. Много рук: ее две руки и его две руки. Много глаз: ее огромные глаза и его два растарашенных глаза. И во всех четырех глазах – любовь. Кажется, что от фотографии исходит, струится нежность и счастье. Фотография – как икона. Хочется помолиться. Джон Леннон поет, и Лена вдруг видит, какое красивое лицо у Александра: большие синие глаза, впалые виски, как у породистого коня. И руки. Пальцы. Трепет ресниц.

Лена поняла, что влюбилась. Джон Леннон навеял.

Лена замкнулась. Влюбленность надо было скрыть во что бы то ни стало. Это требовало сил.

Ночью Лене приснился сон, будто они с Александром танцуют танго в красной комнате. Комната обтянута бархатом, похожа на внутренность шкатулки. Они с Александром танцуют – щека к щеке, не касаясь пола. Плывут.

Лена проснулась среди ночи. Домочадцы спали: дочка, муж, няня. Дышали. Вздыхали. Близкие, любимые люди, которые зависели от нее, от ее ответственности и порядочности.

Надо проглотить свою влюбленность, вернее, выплюнуть. Надо закончить сценарий и жить дальше. Идти своей дорогой. Опирайтесь на свой талант, если он есть. Но в том-то и дело... Лене казалось, что без Александра она уже не может ничего. Как слепой без поводыря. Будет ходить и тыркаться наугад. А с Александром – только с ним она знает, куда идти и где сворачивать. Только с ним она по-настоящему талантлива. Он включает в ней самый мощный рубильник.

В один прекрасный вечер в доме Александра появился гость по имени Сергей. Друг детства. Они вместе учились в старших классах.

Отправились в ресторан: Александр, Вера, Лена и Сергей.

Вера не наряжалась. Просто сняла драный халат и надела костюм джерси. Все волосы назад, хвостик под резиночку. Чем хуже, тем лучше.

Лена тоже была одета скромно: юбочка, свитерок. Главное украшение – сверкание глаз. И сверкание молодости. Что может быть красивее молодой влюбленной женщины...

Ресторан был полон. Играла музыка.

Им достался уютный столик в уголке. Александр заказал черную икру, водку, разнообразные закуски и шашлыки.

Все успели проголодаться. Стали есть с вдохновением.

Сергей пригласил Лену танцевать. Он положил свою широкую ладонь на ее узкую спину. Лена почувствовала реальное тепло, как от грелки. Сергей хозяйски придвинул Лену поближе. Его сердце стучало непосредственно ей в ухо. Она слышала биение, как кувалдой по наковальне. Она ему нравилась. Он ее хотел. И Лена вспомнила, что существует еще одна грань жизни – не сценарная, выдуманная, а реальная, земная. Вот она: сердце выскакивает от желания. Влечение полов. Мужчина и женщина. Разве можно об этом не помнить...

Сергей наклонил лицо к ее уху. Что-то проговорил. Она не расслышала. И слава богу.

Музыка кончилась. Сергей отвел Лену за столик. И сам сел – чернокудрый, романтичный. Красавец.

Александр медленно жевал с непроницаемым лицом. Он привык к тому, что Лена вот уже три недели сидит напротив, смотрит с восторгом, поправляет очки, касаясь переносицы. А тут ее обнимают прямо у него на глазах. И она не против. Как это понимать? Александр глухо ревновал.

Вера сделала паузу в еде. Смотрела на Лену. Неожиданно сказала:

– Я старше Саши на десять лет. – И подняла две ладони с раскинутыми пальцами, словно подтверждая: десять.

Лена не сразу поняла – какой Саша. Потом сообразила – Александр.

– Какая разница, – легко отозвалась Лена. – Это не имеет значения.

Она лукавила. Она так не считала. Выходить замуж за парня на десять лет моложе – значит сесть играть в заранее проигранную игру. Конец известен. Но Вера нуждалась в поддержке, и Лена соврала.

– Существует красота родных лиц. Возраст ни при чем, – объяснила Лена.

– Красота родных лиц... – повторила Вера задумчиво. И вдруг обрадовалась. Поверила. Да и как не поверишь?

Когда живешь рядом изо дня в день, то уже не замечаешь: две морщины или три. Главное – общие задачи.

Снова заиграла музыка. Александр пригласил Лену. Сергей и Вера остались на месте.

Лена танцевала с Александром. Он был невысокий, лицо в лицо. Чуть выше. Его сердце не стучало. Рука на спине не была горячей. Они чинно перебирали ногами.

Музыка кончилась. И вдруг Александр поцеловал Лену в нос. Вроде шутка, а вроде близость. У Лены перехватило дыхание, как будто в лицо плеснули холодной водой из ковша. Она внезапно почувствовала себя несчастной. Молча вернулась к столу.

Вера соорудила бутерброд с черной икрой, завернула в салфетку, спрятала в сумку.

– Ванечке, – объяснила она.

Александр вдруг выверился на нее, стал сверлить злыми глазами.

– Что? – растерянно проговорила Вера. – Что?

Александр было стыдно за Веру: подбирать со стола и прятать – это мелочность и жлобство. Он ее стеснялся. Но дело было в другом. Он ее стеснялся в принципе, особенно на людях.

От ресторана до дома Александра – одна автобусная остановка. Пошли пешком. На улице стоял февраль – зимний месяц. От земли поднимался туман. Лена шла без шапки. Ей казалось, что так шикарнее.

Александр увлек ее вперед. Сергею ничего не оставалось, как отстать, поддерживать Веру под локоть.

Александр взял руку Лены и сунул ее в свой карман. И там, в кармане, он сжал ее прохладные пальцы.

Вера шла сзади и все видела. Лена как будто залезла в чужой карман. Для чего? Чтобы украсть. Зачем еще?

Вера страдала. Но что она могла сделать? Не скандал же устраивать.

Вера шла и терпела. Она знала: Александра только до дома довести. А дома Иванушка, Марго, привычные стены. У него быстро все проходит, тает как сигаретный дым.

А Лена шла в тумане, как в недавнем сне – чуточку над землей. Она была слегка пьяная, легкая, влюбленная и совсем забыла про Веру. Пальцы Александра ласкали ее руку, посылали сигналы, электрические разряды. Все люди вокруг были лишние.

Дошли до остановки такси.

– Я провожу Лену, – сказал Александр, обернувшись к Вере.

– У... – отозвалась Вера.

Она знала его «провожаю». Тут же в такси и трахнет. И ничто ему не помеха.

– Боишься? – Александр имел в виду их пустой и темный подъезд.

– Там крысы, – сказала Вера.

Она конечно же боялась, но не крыс, а того, что Лена перетянет на себя, приучит и отберет у нее Александра. И она останется без мужа, а ребенок без отца.

– Ну ладно. – Александр отошел к Вере. Пожалел.

Сергей, обрадовавшись, сел в такси. На многое он не рассчитывал, но хоть что-нибудь. Хоть бы поцеловать, а там – как пойдет.

Такси тронулось. Лена мгновенно замкнулась. Ушла в себя.

Сергей смотрел на Лену. У него был потрясающий овал лица. Может, у него еще было что-то потрясающее, включая тело и душу, но Лене это не надо. Пусть останется кому-то другому.

Александр лег спать. Решил почитать перед сном, но не читалось. Стал смотреть в потолок.

В голове медленно проплыло: Ле-о-на... Как красиво. Не Лена, а именно Леона. Женщина-блокнот. Все за ним записывает. Смотрит и понимает. Она понимает даже то, чего он не говорит. Полная душевная одинаковость, как будто действительно сделана из его ребра.

«Поди сюда» в ней тоже есть. Но не такое, как у Нэльки. У Нэльки – напоказ, как в витрине. А у Лены – глубоко запрятанное, почти невидимое. А если приглядеться...

Вера ушла спать. Она спала в одной комнате с Иванушкой.

Вера не могла заснуть. Ненавидела. Эти молодые шалашовки лезут со всех сторон, как тараканы. Готовы прорыть головой метро, только чтобы оказаться рядом со знаменитостью. И Вера им не помеха. Жена – не стена. Можно и подвинуть. Ни стыда, ни совести. Весь мир против нее...

Рядом посапывал Ванечка. Это умиротворяло. Вносило мир и покой в потревоженную душу.

Сценарий близился к концу.

Лена приходила к назначенному часу и тут же углублялась в работу. Оба делали вид, что ничего не было.

А может, ничего и не было? Что, собственно, произошло? Он поцеловал ее в нос? Сунул ее руку в свой карман? Вполне братские проявления.

Работали помногу, по восемь часов каждый день. Лена испытывала перегрузки, как космонавт на взлете. К концу дня ее бил озноб. Она становилась бледная и никакая. Но не жаловалась. Если Александр так работает, значит, и она должна соответствовать. В конце концов – кому это надо? Александру меньше всего. Для него это только заработок.

Сценарий окончен. Поставлена точка.

Вся семья вышла в прихожую проводить Лену. Сейчас она уйдет, и семья сомкнет ряды. Останутся только свои, родные и близкие, сядут за стол и будут обсуждать здоровье Иванушки. И это важнее всех сценариев, вместе взятых.

Лена застегнула свое кургузое пальтишко. Вере стало ее почему-то жалко. Молодая, а пашет как вол. Тянет семью.

– Проводи ее, – велела Вера Александру. – Там внизу мужики пьяные стоят. Обидят.

– Какие мужики? – не поняла Марго. – Я недавно шла, никаких мужиков не было.

Но Александр уже одевался.

Прошли пешком две остановки. Молча. Непонятно, о чем говорить.

Лена осознавала, что завтра она его не увидит. И послезавтра не увидит. А потом он уедет писать с кем-то собственный сценарий. А потом он будет снимать этот сценарий. А потом получать очередную награду. У великих свой цикл.

А у Лены начнется ее жизнь, похожая на нескончаемую осень, с дождями и тяжелым небом.

Дошли до площади Ногина. Остановились возле памятника, похожего на часовенку. На памятнике надпись золотыми буквами: «Гренадерам от товарищей».

– Хорошая надпись, – сказал Александр.

– Хорошая... – согласилась Лена.

Он шагнул к ней, подвинул свое лицо к ее лицу. Она забросила руки на его шею. И они стали целоваться, сначала мелко и поверхностно, потом замерли в одном нескончаемом и бездонном поцелуе.

Этот поцелуй мог бы быть началом. Но стал точкой.

Александр погрузился в новую работу. Для него работа – это творчество. Творчество – инстинкт передачи информации. А инстинкт – штука мощная. Инстинкт заставляет птиц лететь вокруг земли, набивая костяные мозоли.

Вера легко вздохнула. Пронесло.

Эта студентка сама по себе не была опасна, но совместная работа... Таланты у всех творцов разные, как и сами творцы. Один – эгоистически разглядывает свой пуп, и это становится неожиданно интересно всем, потому что пупы у всех примерно одинаковые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21167311&lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.com/viktoriya-tokareva/derevo-na-kryshe-sbornik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)